

ГРАНИЦЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ: ЧТО БЫЛО, ЧТО ЕСТЬ, ЧТО БУДЕТ

СИТНЯНСКИЙ Георгий Юрьевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Отдела Зарубежной Азии Института этнологии и антропологии РАН.

E-mail: sitnyan@mail.ru

Для цитирования: Ситнянский Г.Ю. Границы в Средней Азии: что было, что есть, что будет // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 118–137. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.08.

Аннотация. До завоевания Россией Средней Азии государства региона формировались по региональному (Хорезм, Мавераннахр, Фергана), а не по национальному принципу. В усеченном виде эта ситуация сохранилась и при Российской империи. В советское время было проведено национально-государственное размежевание; оно было отнюдь не идеально, тем не менее советские границы сохранились и после распада СССР. Сейчас ситуация кажется стабильной, а перспектива изменения границ маловероятной, однако некоторые демографические (переток с юга на север), религиозные (наступление радикального ислама), внутренние (противостояние внутри новых государств различных властных клаунов), геополитические процессы позволяют считать возможным при некоторых обстоятельствах изменение межгосударственных границ. При этом общая направленность указанных процессов позволяет предположить два варианта таких изменений: образование «Великого Узбекистана» или (в случае наступления в Узбекистане внутренней нестабильности) воссоздание традиционных государственных образований по территориальному принципу, возможно, с добавлением и некоторых новых. Эти процессы едва ли затронут Казахстан (кроме двух присырдаринских областей) и Северный Киргизстан, однако, несомненно, окажут влияние на ситуацию и в этих государствах, включая перспективы их отношений с Россией.

Ключевые слова: государства Средней Азии, изменение границ, история, современность, перспективы.

Borders in Central Asia: What was, What is, What will be

Georgy Yu. SITNYANSKY

PhD in History, Senior Researcher, Department of Foreign Asia

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: sitnyan@mail.ru

For citation: Sitnyansky G. Yu. (2024). Borders in Central Asia: What was, What is, What will be. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (8), pp. 118–137. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.08.

Abstract. Before Russia conquered Central Asia, the states of the region were formed according to the regional (Khorezm, Transoxiana, Ferghana), and not according to the national principle. In a truncated form, this situation persisted under the Russian Empire. In Soviet times, national-state demarcation was carried out; it was by no means ideal, nevertheless, the Soviet borders remained after the collapse of the USSR. Now the situation seems stable, and the prospect of changing borders is unlikely, however, some demographic (flow from south to north), religious (the offensive of radical Islam), internal (confrontation within new states of various power clans), geopolitical processes allow us to consider it possible under certain circumstances to change interstate borders. At the same time, the general orientation of these processes suggests two options for such changes: the formation of a “Great Uzbekistan” or (in the event of internal instability in Uzbekistan) the reconstruction of traditional state formations based on the territorial principle, possibly with the addition of some new ones. These processes are unlikely to affect Kazakhstan (except for the two Syrdarya regions) and Northern Kyrgyzstan, however, they will undoubtedly have an impact on the situation in these states, including the prospects for their relations with Russia.

Keywords: Central Asian states, changing borders, history, modernity, prospects.

С древних времен (IX–VIII вв. до н.э.) государства Среднеазиатского региона формировались по региональному (Хорезм, Мавераннахр, Фергана), а не по национальному принципу. Ко времени прихода в Среднюю Азию России границы государств в этом регионе выглядели следующим образом.

Кокандское ханство, которое Россия поставила в 1868 г. в вассальную зависимость от себя, в 1876 г. было ликвидировано и вошло в состав Российской империи как Ферганская область, включало в себя узбекскую Ферганскую долину, Южную Кир-

гизию, нынешнюю Согдийскую область Таджикистана, а также Ташкентскую область и территории нынешних Южно-Казахстанской и Кзыл-Ординской областей по правому берегу Сырдарьи. На некоторых картах в составе ханства обозначены также Восточный Таджикистан с Памиром; временами в его составе была и вся Киргизия и даже часть Казахского Семиречья.

Бухарский эмират объединял Узбекистан (кроме Хорезма и Ферганы) и Таджикистан (кроме Ходжента, а на некоторых картах и Восточный Таджикистан, как уже сказано, обозначен как кокандское владение), левобережье Сырдарьи почти до устья плюс туркменский Чарджуй (Чарджоу, ныне Туркменабад), а на некоторых – и вся Восточная Туркмения с Мервом. Нынешняя Джизакская область Узбекистана обозначается иногда как спорная между Бухарой и Кокандом.

Наконец, Хивинское ханство включало Хорезм (Хорезмскую область и Каракалпакию) и прилегающую Дашогузскую область Туркмении. На некоторых картах принадлежащей Хиве обозначена вся Туркмения, что явно не соответствует действительности, и левобережье Сырдарьи почти от Ташкентского оазиса до устья; последнее, возможно, было спорным между Хивой и Бухарой.

Мне неоднократно приходилось обосновывать ту точку зрения, что южная естественная граница России проходит примерно по линии Аральское море – Чаткальский хребет (на границе Ташкентской области Узбекистана и Таласской области Киргизии) – перевал Торугарт (точнее, стык границ Нарынской и Ошской областей Киргизии и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР)^{1,2,3}. Но близкие к этой точке зрения мнения высказывались и тогда, полтора с лишним века назад, при русском завоевании Средней Азии. Представляется целесообразным их привести.

¹ Ситнянский Г.Ю. Естественные границы: какой быть новой России? // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 112–119.

² Ситнянский Г.Ю. Интеграционные тенденции на постсоветском пространстве и противодействие им (на примере Киргизии) // Расы и народы. – 2001. – № 27. – С. 240–253.

³ Ситнянский Г.Ю. Проблемы реинтеграции бывшего СССР в свете исторических судеб Евразийской цивилизации // Вестник Евразии. – 1996. – № 2. – С. 161–170.

Так, И.И. Завалишин писал, что «без расширения границ наших *до Хивы и Коканда* (выделено мною. – Г.С.) … немыслимо было бы спокойствие даже губерний Тобольской и Томской»⁴. Здесь, на взгляд автора, заслуживает внимания именно ограничительный предел, только надо бы уточнить: «*до границ Хивы и Коканда!*! Вообще, в середине XIX в. часто раздавались в среде российской политической, научной, военной элиты голоса: «не присоединять весь регион! Ограничиться казахскими степями и казахско-киргизским Семиречьем! Не идти дальше Ташкента»⁵!. Автору неоднократно приходилось приводить аргументы в пользу такой границы (добровольность вхождения казахов и киргизов в состав России в противоположность завоеванию остальных территорий, возможность массового проживания европейцев в сельской местности и т.д.)^{6,7,8}.

При начале присоединения Средней Азии Россией была предпринята попытка создания Ташкентского ханства. Дело в том, что и среди сторонников точки зрения «не идти дальше Ташкента» были разногласия. Так, генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель призывал ограничить продвижение в Среднюю Азию долиной р. Чу, с Пишпеком, Токмаком, Мерке, считая дальнейшие шаги «опасными по своим последствиям»⁹, тогда как А.П. Безак (оренбургский генерал-губернатор) настаивал на захвате также и Ташкента и проведении границы по Сырдарье¹⁰. Так или иначе, создание Ташкентского ханства не удалось – по разным при-

⁴ Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. – Москва: Издание Общества распространения полезных книг, 1867. – 414 с.

⁵ Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – Санкт-Петербург: Типография Безобразова и К°, 1873. – 144 с.

⁶ Ситнянский Г.Ю. Интеграционные тенденции на постсоветском пространстве и противодействие им (на примере Киргизии) // Рассы и народы. – 2001. – № 27. – С. 240–253.

⁷ Ситнянский Г.Ю. Проблемы реинтеграции бывшего СССР в свете исторических судеб Евразийской цивилизации // Вестник Евразии. – 1996. – № 2. – С. 161–170.

⁸ Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? – Москва: ИЭА РАН, 2011. – С. 30–31.

⁹ Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. – Москва: Наука, 1965. – С. 119–120, 203–204.

¹⁰ Там же. С. 124–125.

чинам, включая, помимо того, что в правящих кругах России восторжествовала идея завоевания всего региона, и идиосинкразию самих ташкентцев, после кокандского правления, на само слово «ханство»¹¹.

Как бы то ни было, Россия завоевала всю Среднюю Азию¹², оставив, однако, в качестве своих вассалов Бухару, Хиву, а до 1876 г., как уже говорилось, и Коканд, хотя и значительно урезала их территории. От Кокандского ханства осталась лишь Ферганская долина, Бухарский эмират лишился Самарканда и Восточной Туркмении (кроме Чарджоу), Хивинское ханство – всех земель между Сырдарьёй и Амударьёй, кроме непосредственно прилегавших к последней. Остальная Средняя Азия вошла в Туркестанское генерал-губернаторство, разделенное на пять областей (Закаспийскую, Самаркандскую, Семиреченскую, Сырдарьинскую, с 1876 г. – и Ферганскую).

После 1917 г. вся Средняя Азия и Казахстан, кроме Хивы и Бухары, где ханства были сменены «народными республиками», вошли в состав РСФСР, однако в 1924 г. началось национально-государственное размежевание: были созданы Туркменская и Узбекская ССР с Таджикской АССР в составе последней, а Казахстан, Киргизия и Каракалпакия превратились в автономии в составе РСФСР. В 1929 г. Таджикистан был преобразован в самостоятельную союзную республику, в 1936 г. то же произошло с Казахстаном и Киргизией, а Каракалпакская АССР перешла от РСФСР к Узбекистану. Эти границы с небольшими изменениями (передача Узбекистану некоторых пограничных районов Казахстана) сохранились до сих пор. Однако возможно ли теперь их изменение? Некоторые аспекты межэтнических противоречий в регионе позволяют сказать, что при определенных обстоятельствах – да.

Начнем с узбекско-казахских противоречий. В их возникновение внесло свой вклад советское государство, отдав казахам ряд городов: Чимкент, Аулие-Ату (в советское время – Джамбул, с 1997 г. – Тараз), Туркестан, до российского завоевания принадле-

¹¹ Глушенко Е.А. Герои Империи. – Москва: XXI век – Согласие, 2001. – 404 с.

¹² Койчуманова Ч.У. Общность исторических судеб как фактор единения народов Центральной Азии // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2(2). – С. 7–25. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.01.

жавших Кокандскому ханству, а после него включенных в состав Сырдарьинской области, границы которой почти совпадали с предполагавшимися границами так и не созданного Ташкентского ханства. Сделано это было с той целью, «чтобы у южных казахов были свои индустриальные центры».

Но в этом случае, вполне возможно, была и другая цель. Вполне возможно, что большевики хотели ослабить Узбекистан и узбеков как единственный народ, имевший до 1917 г. свою государственность. Они старались добиться этого, оторвав от Узбекистана как можно больше земель. Кроме того, в первые советские годы возобладала точка зрения о «зверской эксплуатации кочевого населения русским и узбекским капиталом», за что, по мнению авторов коммунистической национальной политики, кочевникам полагалась компенсация как за счет русских, так и за счет узбекских земель¹³.

Однако историческая граница между Востоком и Евразией всегда проходила «через Оттар», т.е. большая часть Чимкентской и Кзыл-Ординской областей Казахстана входила в состав трех названных государств Средней Азии. Отмечу также, что казахи других регионов часто считают местных казахов этнокультурно близкими к узбекам.

И если ташкентцы при попытке создания Ташкентского ханства вспоминали ненавистных им кокандских ханов, то они не могли не знать о куда более демократичных ханах казахских и киргизских. При этом для ослабления восточного элемента и усиления евразийского целесообразно было бы включить в состав Ташкентского государства, в случае его создания, также казахские земли по Нижней Сырдарье.

По переписи 1926 г. 26% населения уезда составляли казахи, 45% – узбеки, а 9% – племя курама, которое как те, так и другие считали своим. Кроме того, у казахов (и у киргизов) имелись претензии на Ташкент, обоснованные «историческими» правами: так, почти вся третья книга киргизского эпоса «Манас» посвящена похоронам **ташкентского** хана Кокетея.

¹³ Громов А. Границы Центрально-Азиатского региона. Исторический контекст // Профи. – 1999. – № 11. – С. 10–15.

Добавлю, что весной-летом 1866 г. военное министерство и МИД России пересмотрели вопрос о Ташкентском ханстве ввиду претензий бухарского эмира на господство над Кокандом (эти претензии высказывались уже достаточно давно, и эмир бухарский не оставил этих претензий даже тогда, когда и его эмирят, и Кокандское ханство воевали с Россией), что негативно воздействовало на население уже подконтрольных России территорий потенциального Ташкентского ханства. Решено было поэтому присоединить Ташкент к России, что и состоялось 27 августа 1866 г.¹⁴, хотя ничто не мешало вернуться к вопросу о Ташкентском ханстве после окончательной победы над Бухарой и Кокандом, одержанной, как известно, в 1868 г. При некоторых обстоятельствах (например, внутренняя нестабильность и рост сепаратистских тенденций) создание чего-то подобного не исключено и сейчас.

Имеются у Узбекистана территориальные проблемы и на юге. Перефразируя известные слова Молотова о Польше в границах 1939 г., Афганистан в нынешних границах можно охарактеризовать как «уродливое детище российской и британской экспансии». В самом деле, до последней трети XIX в. государственные границы Афганистана и границы этнической территории пуштунов примерно совпадали. Захват Британией в 1870-х годах ряда земель, населенных пуштунами, и проведение в 1893 г. новой афганско-индийской границы («линия Дюранда») привели к тому, что пуштунский народ оказался разделенным: на 2006 г. 12 млн пуштунов жило в Афганистане, 20 млн – в Пакистане¹⁵. Отказ же в 1885 г. Бухарского эмирата по указанию из Петербурга от территорий между Амударьей и Гиндукушем (в обмен на отказ Афганистана в пользу России от Мерва и Кушки) привел к тому, что узбеки и таджики, а также туркмены составляют до 40% населения страны (в том числе узбеки – 5–10%). Именно узбеки и таджики в 1996–2001 гг. составляли ядро сопротивления «Талибану»*, и воз-

¹⁴ Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. – Москва: Наука, 1965. – 468 с.

¹⁵ Пластун В.Н. Изменения в политике США и НАТО в Афганистане (2001–2006 гг.) // Афганистан и безопасность Центральной Азии. – Бишкек: Общест. фонд А. Князева; Душанбе: Центр конфликтологии и региональных исследований, 2006. – С. 30–31.

вращение последнего к власти вполне может снова спровоцировать «северный сепаратизм».

Всё это порождает проблему изменения границ. При определенных обстоятельствах не исключено, что будет создан так называемый «Великий Узбекистан», включающий в себя территории, ранее входившие в состав трех среднеазиатских государств. Об этом мне тоже приходилось писать^{16,17}.

Со своей стороны, например, лидер противостоявшего в 1996–2001 гг. талибам Северного альянса Ахмад-шах Масуд, по некоторым непроверенным сведениям, мечтал о создании «Великого Таджикистана», в который должны были войти не только нынешний Таджикистан и северо-восток Афганистана, но и узбекский Мавераннахр с Бухарой и Самаркандом. Это будет означать создание государства, примерно сравнимого по размерам с Бухарским эмиратом, равно как и при создании «Великого Узбекистана» в усеченных границах – без Хорезма и Ферганы.

Добавлю, что талибы уже в конце 2000-х годов угрожали распространить «возмездие» на население государств, поддерживающих действия антитеррористической коалиции¹⁸. Например, имело место нападение в июле 2008 г. на кишлак в Хатлонской области Таджикистана. Как раз тогда талибы перенесли боевые действия из южных и восточных районов страны практически на всю ее территорию¹⁹.

Поэтому сейчас речь шла о создании в Северном Афганистане буфера стабильности для региона²⁰. В Ташкенте тоже много

¹⁶ Ситнянский Г.Ю. Великий Узбекистан и национальные интересы России // Обозреватель-Observer. – 2003. – № 4(159). – С. 53–59.

¹⁷ Ситнянский Г.Ю. Идея «Великого Узбекистана» постоянно витает в воздухе // Regnum. – 06.05.2011. – URL: <http://regnum.ru/news/polit/1402208.html> (дата обращения: 15.05.2024).

¹⁸ Бондарец Л.М. Национальная безопасность Киргизии в свете присутствия в стране американского военного контингента // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. – 2009. – С. 171.

¹⁹ Бондарец В.И. Афганистан: трансформация угроз безопасности для государств – участников и наблюдателей ШОС // Афганистан, ШОС, безопасность и geopolитика Центральной Евразии. – 2008. – С. 113.

²⁰ Князев А.А. Проекты интеграции и безопасности Центральной Азии в контексте афганской военно-политической ситуации и современных геополити-

говорят на эту тему. Это стало бы гарантией против распространения на Север Афганистана пуштунского господства (о чем мечтает руководство «Талибана»²¹). Но для этого необходимы усилия всех стран региона и России²¹. Кстати, Афганистан готов был принять на своей территории российских инженеров и техников для реконструкции построенных в 1980-х годах объектов (преимущественно расположенных как раз на Севере)²².

Но все это де-факто будет означать возвращение Северного Афганистана в Среднюю Азию, от которой он был отрезан в 1885 г. И что тогда возникнет на остальной территории Афганистана? Пуштунистан?

Здесь нельзя не упомянуть и таджикско-узбекские противоречия, которые также имеют глубокие исторические корни. Тюркские группы проникали в Мавераннахр постепенно, смешивались с предками таджиков, часто передавая им свой язык, но перенимая их культуру. В XV–XVI вв., как уже говорилось, на территорию Мавераннахра пришли из Дешт-и-Кипчака кочевники-узбеки; они быстро осели, смешались с местным населением, передали ему свой этноним, но переняли его культуру. Именно последнее обстоятельство сыграло решающую роль: таджики считают себя исконными обитателями Южного Узбекистана, носителями древней культуры, которая затем была присвоена «турецкими захватчиками», ассимилировавшими или вытеснившими древнее население. Отношение таджиков к узбекам в этом смысле напоминает отношение последних к другим народам Средней Азии – «диким кочевникам» киргизам, казахам, туркменам и т.д.

Надо, однако, оговориться, что по отношению к внешнему миру два народа, как правило, ощущают себя единым целым (вот и

ческих реалий // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы / под ред. Князев А.А. – Бишкек, 2007. – С. 237–244. – С. 240.

²¹ Столповский О.А. Афганистан и вопросы регионального сотрудничества в сфере безопасности // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. – Бишкек: ОФАК, 2009. – С. 192–194.

²² Пластун В.Н. ШОС и перспективы восстановления безопасности в Центральноазиатском регионе // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии – Бишкек, 2009. – С. 85.

события в Афганистане, о которых говорилось выше, это показали), а до XX в. противостояние двух народов вообще не очень чувствовалось: Мавераннахр входил в состав Бухарского Эмирата, между различными группами оседлого населения которого не ощущалось большого различия. Но и здесь советская власть тоже заложила мину замедленного действия, разделив исторически сложившуюся область – Мавераннахр – на две «национальных республики». Отторжение от цивилизационно значимых территорий (Самарканд, Бухара) с их историческими памятниками и населением, являющимся носителем персоязычной культуры, воспринималось таджиками как несправедливость и даже затрудняло процесс формирования национальной идентичности. И до сих пор некоторые таджики на вопрос, откуда они, отвечают: «Мы самаркандинцы»²³. Между тем территория от Бухары до Куляба отличается исключительной пестротой населения: нельзя сказать, где кончается узбекская этническая территория и начинается таджикская.

Экономические предпосылки к воссоединению есть, при этом – к воссоединению под верховенством Ташкента. Так, например, Согдийская область с ее урановыми заводами уже в середине 1990-х годов находилась под контролем Узбекистана²⁴. Душанбе был должен Ташкенту 100 млн долл. За долги Алмалыкский горно-металлургический комбинат получил право на добычу руды на Алтын-Топканском месторождении и золото в долине Зеравшана. Ташкент стремился также контролировать второе в мире месторождение серебра Большой Канимансур²⁵.

Иран в последние годы также активизировался в отношении Средней Азии, в первую очередь – в отношении Туркмении, которая лежит первой на пути иранской geopolитической экспансии. Иран уже много столетий пытается прибрать к рукам южнотуркменские оазисы. В случае весьма вероятной дестабилизации внутриполитической обстановки в Туркмении (и отпадения пограничных с Узбекистаном регионов в пользу «Великого Узбекистана»

²³ Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. – Москва: Аспект Пресс, 2009. – С. 31.

²⁴ Ситнянский Г.Ю. «Великий Узбекистан» и национальные интересы России // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 8. – С. 63–70.

²⁵ Там же.

или, например, Дашогузской области в пользу какого-нибудь Хорезмского государства – такое тоже не исключено) у Ирана появятся реальные шансы это осуществить.

Корни узбекско-туркменских трений, как и противоречий между узбеками и каракалпаками, уходят в период существования Хивинского ханства, в котором узбеки и туркмены постоянно соперничали как из-за политической власти, так и из-за земли и воды. В частности, объектом конфликтов из-за земли и воды были земли низовьев Амудары с их развитой системой арыков; в советские годы к ним прибавилась Чарджоуская область, где (в 180 км выше областного центра по Амударье) начинается Каракумский канал, а в постсоветские – наличие месторождений нефти на спорных территориях. Кроме того, Чарджоу (ныне Туркменабад) сам по себе – крупный промышленный центр, второй в Туркмении после Ашхабада. Этот город, как уже сказано, до 1924 г. входил в состав Бухарского государства, а Дашогуз (Ташауз) – в состав Хивы, оба города были отданы Туркмении на том же основании, что и Ош и Джалаал-Абад Киргизии – «иначе в этом районе у туркмен вообще не будет городов»²⁶.

Интересен такой факт: в 1994 г. сотрудники КНБ ликвидировали «гнездо» сепаратистов в г. Чарджоу, арестовав 30 самых богатых людей города. Примечательно, что местные органы власти ничего не могли или не хотели против них сделать, понадобилось вмешательство Ашхабада. Учитывая все сказанное, отнюдь не исключено, что проблема чарджоуского сепаратизма также связана с узбекско-туркменскими трениями. А, например, в период с 1998 по 2003 г. на узбекско-туркменской границе имело место около двух десятков инцидентов со смертельным исходом²⁷.

Войти в состав «Великого Узбекистана» могут и неузбекские части Ферганской долины, хотя не исключено и образование Ферганского государства – геополитического наследника Кокандского ханства. Чтобы проанализировать эту перспективу, рассмотрим ситуацию в Ферганской долине.

²⁶ Кадыров Ш.Х. «Нация» племен. – Москва: Институт Африки, 2003. – С. 99.

²⁷ Бондарец Л.М. Военно-политический аспект интеграции в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. – 2007. – С. 85–99.

Начнем с такого явления, как южнокиргизский сепаратизм. Южная Киргизия была настроена более консервативно еще по отношению к первому президенту независимого Киргизстана А. Акаеву (1990–2005) и его реформам и осталась таковой по отношению к европеизации вообще. Южные киргизы, испытавшие этнокультурное влияние узбеков, более исламизированы и менее европеизированы. Поэтому в 1992–1993 гг. были немалые основания считать, что могут появиться две Киргизии – традиционная Южная и современная Северная. Южане, в частности, выступили против двухпалатного парламента (1994), поскольку резонно опасались, что тогда у них останется еще меньше власти за счет уменьшения числа мест в верхней палате (Северная Киргизия включает в себя четыре области, Южная же тогда составляла всего две; в 2000 г. к этим областям – Ошской и Джалал-Абадской – добавилась третья – Баткенская).

Большинство специалистов, правда, считает, что едва ли стремление Южного Киргизстана к отделению было искренним (даже с учетом того, что в то время Узбекистан еще не готов был поглотить южнокиргизские области, чего многие в Киргизии опасаются теперь) – скорее всего, подобные разговоры были средством давления на Север. Так или иначе, для реализации сепаратистских планов южных киргизов не хватало только лидера; он и появился уже в 1990 г. в лице Бекмамата Осмонова.

Осмонов родился в 1946 г. Сделал партийную карьеру, в 1990 г. избран депутатом Верховного Совета Киргизии, впервые заявил о себе осенью того же года, когда парламент выбирал президента, предложив свою кандидатуру. Естественно, он не прошел, поскольку его поддерживала только небольшая группа депутатов-земляков, но начало своему участию в большой политике положил. Осмонов сошелся с радикальными «национал-демократами», не жалующими Акаева за его недостаточно национальную, по их мнению, политику, и последние после гибели 29 ноября 1991 г. премьер-министра Н. Исанова предложили на его место Осмонова. Стать премьером не удалось, зато Осмонов возглавил администрацию только что созданной Джалал-Абадской области.

Выделяя эту область из Ошской, Акаев хотел расколоть Юг; фактически, однако, область стала прибежищем оппозиционеров. За год пребывания на посту акима (губернатора) области Осмонов

устроил десятки своих родственников на руководящие посты в ней, а главное – составил себе огромное состояние, в том числе, по некоторым сведениям, и на наркобизнесе.

Акаеву удалось нейтрализовать влияние Осмонова, а кончина последнего 28 октября 1997 г., по видимости временно положила конец южнокиргизскому сепаратизму, однако опасность раскола Киргизии, учитывая ослабление связей между Севером и Югом, сохранилась. Есть сведения, что в конце 1990-х годов в руководящих кругах Киргизии муссировалась идея о переносе столицы в Ош для укрепления контроля над Югом Киргизии²⁸.

Весной 2002 г. конфликт Север – Юг возобновился. Поводом для столкновений в Джалаал-Абадской области 17–18 марта 2002 г. послужил арест 5 января того же года депутата Джогорку Кенеша Азимбека Бекназарова, уроженца Аксыйского района Джалаал-Абадской области, который выражал свое возмущение передачей спорной между Киргизстаном и Китаем территории (9000 км² много для маленькой Киргизии, почти 5% ее территории) Китаю и потребовал объяснить причину этой передачи.

Следующий виток конфликта Север – Юг произошел в марте 2005 г. «Тюльпановая революция» 2005 г. изменила соотношение сил во власти в пользу Юга, сыгравшего в ней решающую роль. Северяне обвиняли южан также в мародерстве в дни революции, в захватах земли в пригородах Бишкека и т.д. Примечательно, что в акциях протesta против политики новой власти (конец апреля 2006 г.) приняли участие в основном северяне²⁹. Определенные предпосылки для «перехода в контрнаступление» северян были хотя бы в силу того, что, если у северян наблюдалось сплочение против «южной угрозы», у южан такого не было. Более того, один из самых популярных политиков Юга – Омурбек Текебаев – стал одним из самых жестких критиков К. Бакиева и нейтрально относился к свергнутому А. Акаеву. Вероятно, он понимал, что безудержный «натиск Юга на Север» до добра не доведет, равно как и то, что «северяне» не смирятся с усилением «южан» и будут

²⁸ Лунёв С.И. Вызовы безопасности южных границ России. – Москва: ИВ РАН, 1999. – С. 81.

²⁹ Годы, которые изменили Центральную Азию (коллективная монография) / отв. ред. Звягельская И.Д. – Москва: ИВ РАН; ЦСПИ, 2009. – С. 140–141.

стараться вернуть позиции. Автор писал об этом еще в 2007 г.³⁰ События апреля 2010 г. подтвердили эти опасения.

Во внутрикиргизском конфликте играет свою роль и религиозный фактор: в Южной Киргизии, как уже говорилось, позиции ислама намного сильнее, чем в Северной. В середине 2000-х годов сами кыргызстанские эксперты признавали опасность создания Исламского халифата, в том числе и в Ферганской долине, включая ее киргизскую часть³¹. Во всяком случае, среди южных киргизов имеются сторонники создания общеферганского исламского государства³².

Н.М. Омаров полагал еще 20 лет назад, что завершением внутрикиргизского конфликта вполне может стать распад Киргизстана на Север и Юг с последующей интеграцией первого с Казахстаном, а второго с Узбекистаном³³. Надо подчеркнуть, что, по прогнозам некоторых западных экспертов (также в середине 2000-х годов), киргизское государство почти неизбежно рухнет, если не получит поддержки извне³⁴. Пока этого не произошло, но в дальнейшем подобное не исключено.

Но если южные киргизы и не решатся на отделение, то нельзя сбрасывать со счетов узбекский фактор. Возможно, что узбеки не идут на альянс с южными киргизами (например, они не поддержали их во время «революции тюльпанов» 2005 г., сохранив нейтралитет), поскольку надеются и так вытеснить их с Юга. Не мог не усугубить конфликт новый Закон о языке, принятый 12 февраля 2003 г. Руководство Киргизстана не только не удовлетворило требований узбекской общины (озвученных 30 июня 2002 г. на Пятой ежегодной конференции этнических узбеков

³⁰ Ситнянский Г.Ю. Отношения Севера и Юга Киргизии: история и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнографии. – 2007. – № 198. – С. 14–15.

³¹ Омаров Н.М. Киргизстан-2025: образы политического будущего. – Бишкек: Илим, 2005. – С. 53.

³² Абдуллаев Э. Эта странная война в Баткене// Профи. – 1999. – № 11. – С. 24–31.

³³ Омаров Н.М. Киргизстан-2025: образы политического будущего. – Бишкек: Илим, 2005. – С. 53.

³⁴ Вильемини Ф. Роль России в определении европейско-центральноазиатских отношений // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. – 2007. – С. 81.

Южного Киргизстана) о придании узбекскому языку статуса государственного и увеличении доли узбеков в законодательных, судебных и правоохранительных органах южных регионов, но и ужесточил требования к знанию киргизского языка. Лидеры узбекской общины прямо заявили, что новый Закон направлен на вытеснение некиргизов из руководящего аппарата. Принятие нового Закона, помимо всего прочего, вызвало рост симпатий южнокиргизских узбеков к исламским радикалам³⁵. Правда, на некоторое время после «революции тюльпанов» губернатором Ошской области впервые стал узбек (Анвар Артыков), но уже в начале декабря 2005 г. он был уволен, после чего ушел в оппозиционную партию «За реформы» (лидер – Омурбек Текебаев)³⁶.

Но главное здесь – то, что конфликт также включает в себя и приток больших масс узбекского населения в Южный Киргизстан, в частности, на сельскохозяйственные заработки. Но в Киргизстане опасаются того, что узбеки рано или поздно составят на Юге большинство и тогда отторгнут его, как албанцы поступили с Косово³⁷. Правда, свержение в 2010 г. на некоторое время остановило этот процесс, развернув вспять в отдельно взятом Киргизстане такой общеевразийского масштаба процесс, как «переток с юга на север», о котором мне писать тоже приходилось^{38,39}, но не-надолго. Сейчас снова поступают сведения о наплыве в Южную Киргизию узбеков, а также и таджиков.

Но возникает еще один вопрос: в случае расширения территории, контролируемых узбеками, возникнет ли одно большое государство – «Великий Узбекистан» или три государства на территориях существовавших ранее государств (а может быть, и четыре – за счет «Ташкентского ханства»)? Сейчас Узбекистан

³⁵ Годы, которые изменили Центральную Азию (коллективная монография) / отв. ред. Звягельская И.Д. – Москва: ИВ РАН; ЦСПИ, 2009. – С. 133–134.

³⁶ Там же. С. 139–142.

³⁷ Ситнянский Г.Ю. Косовский вариант для юга Киргизстана? // Kyrgyznews. – 17 марта 2008. – URL: <http://www.kyrgyznews.kg/news/real/16058> (дата обращения: 15.05.2024).

³⁸ Ситнянский Г.Ю., Бушков В.И. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. – Москва: ИЭА РАН, 2016. – С. 228–240.

³⁹ Ситнянский Г.Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? – Москва: ИЭА РАН, 2011. – 290 с.

кажется стабильным и его распад маловероятным, но в принципе такое не исключено. Для понимания этого нужно проанализировать внутриузбекские противоречия.

Узбекистан, как уже говорилось, исторически был разделен на три образования: Мавераннахр (с XVI в. – Бухарское ханство, с 1820 г. – эмират), Хорезм (с того же времени – Хивинское ханство) и Фергану (с XVIII в. – Кокандское ханство), которые при советской власти трансформировались – с изменениями, конечно, – в борющиеся за власть кланы: Ферганский (ФАН – по первым буквам областных центров Ферганы, Андижана и Намангана), Ташкентский и Самаркандский. При этом первые два клана тесно связаны между собой и до недавнего времени достаточно регулярно сменяли друг друга у власти; самаркандцев же они сообща от нее оттесняли.

Так, партийную организацию республики в разное время возглавляли ташкентец А. Икрамов (1925–1937), ферганцы У. Юсупов (1937–1950) и А.И. Ниязов (1950–1955), их снова сменили ташкентцы Н.А. Мухитдинов (1955–1958) и С. Камалов (1958–1959).

Затем наступила долгая пора господства ферганцев: партийную организацию республики возглавил Ш. Рашидов (1959–1983), который, хотя и родился в Джизаке, но, по непроверенным данным, принадлежал к племени, выселившемуся туда из Ферганы еще в XVIII в., возможно, к племени юз, которое занимало в узбекской племенной иерархии третье место после мангытов (из которого вышла правящая династия Бухары) и мингов (создавших династию кокандских ханов), но есть основания думать, что в более ранние времена юзы были первыми в иерархии кочевников-узбеков.

Далее Рашидова сменил ферганец И.Б. Усманходжаев (1983–1988). Эти же люди в разное время возглавляли правительство (1953–1955 – У. Юсупов, 1955–1957 – С. Камалов), Верховный Совет (1947–1950 – А.И. Ниязов, 1950–1959 – Ш. Рашидов, 1978–1983 – И.Б. Усманходжаев). Кроме них, на этих постах было много других ташкентцев и ферганцев: 1925–1943 – Председатель Президиума Верховного Совета (до 1937 г. – ЦИК) – Ю. Ахунбаев (Фергана), 1983–1986 – А.У. Салимов (Ташкент), 1987–1989 – П.К. Хабибуллаев, 1989–1990 – М. Ибрагимов (оба – Фергана), 1989–1990 – премьер – Ш.Р. Мирсаидов (Фергана).

Подорвать господство ферганцев удалось только благодаря тому, что в 1983 г. Центр начал борьбу с «узбекской мафией»; однако результат получился неожиданный. Сначала республиканскую парторганизацию возглавил ташкентец Р. Нишанов (1988–1989), который не только разгромил «хлопковую мафию», где доминировали ферганцы, но и упразднил ряд областей. То и другое нарушило существовавшее соотношение власти между представителями различных кланов. В результате к руководству республикой впервые за многие годы пришел самарканец И.А. Каримов. Возможно, сыграло свою роль то, что Нишанов (или тогда еще существовавший союзный Центр?) излишне доверял Каримову именно потому, что не видел большой опасности в восхождении представителя слабого Самарканского клана.

Представляя слабый Самарканский клан, Каримов, подобно киргизским руководителям, в первые годы был вынужден держаться у власти путем балансирования между различными кланами: так, пост премьера занимал ташкентец А. Муталов, вице-премьера – ташкентец же У.Т. Султанов, председателя Верховного Совета – ферганец Ш. Юлдашев, госсекретаря – бухарец Раджабов (данные на конец 1992 г.) и др.

Однако после того, как Каримов укрепился у власти, ситуация изменилась: клан ФАН был существенно ослаблен, ферганец Мирсаидов, занимавший с 1990 г. посты сначала премьера, а потом вице-президента, уже в начале 1992 г. уволен в отставку. Дочь Рашидова, которая, поддавшись на уговоры Каримова, приехала в начале 1993 г. из Москвы в Ташкент, не получила обещанного поста министра внешнеэкономических связей; ей лишь позволили «легально заниматься бизнесом»⁴⁰. Долго сидел в тюрьме и небезызвестный «советский хан» А. Адылов, который после распада СССР был освобожден из-под стражи в Москве и вернулся в Узбекистан; он был посажен Каримовым уже в 1993 г.

Более того, в последние годы усиление самарканского клана привело к тому, что одно время серьезно обсуждался вопрос о переносе в Самарканд столицы Узбекистана. Мотивируется это близостью Ташкента к границе с Казахстаном (а возможно, и к Ферганской долине, которой Каримов по-прежнему побаивается);

⁴⁰ Трофимов Д.А. Центральная Азия. – Москва, 1994. – С. 33.

уже говорилось о том, что в 1920-х годах Ташкент с окрестностями был предметом спора между Казахстаном и Узбекистаном.

В том, что ферганцев пришлось потеснить, сыграл свою роль и религиозно-политический фактор: как уже говорилось, именно ферганские узбеки тогда были наиболее исламизированными из всех; поэтому отнюдь не случайно значительная часть клана ФАН блокируется с исламскими радикалами, тогда как самарканцы (и ташкентцы) придерживаются ориентации на светское государство турецкого образца.

В последние годы, однако, наиболее исламизированным регионом Узбекистана становится наряду с Ферганской долиной и юг Мавераннахра – Кашкадарьинская и отчасти Сурхандарьинская области («Суркаш»).

При неблагоприятном развитии событий внутриузбекский конфликт в сочетании с конфликтом между сторонниками светского государства и исламскими радикалами вполне может привести к расколу Узбекистана. Здесь внутриузбекский конфликт может сомкнуться с внутрикиргизским: если расколются и Узбекистан, и Киргизия, то вполне вероятно то, о чем уже говорилось – образование из Южной Киргизии и Узбекской Ферганы единого государства – наследника Кокандского ханства, с борьбой за власть между киргизской и узбекской верхушкой (при нынешних реалиях, однако, с подавляющим перевесом последней).

* * *

Таким образом, при определенных обстоятельствах (та или иная нестабильность в одной или нескольких странах Средней Азии) вполне возможна перекройка границ региона с учетом исторически сложившихся реалий. Нет сомнений, что эти изменения повлияют и на ситуацию в не затронутых ими непосредственно государствах – остальном (кроме двух присырдарьинских областей) Казахстане и Северном Киргизстане, в том числе и на интеграционные межгосударственные процессы в этих странах, входящих в ЕАЭС и в ОДКБ с Россией.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

Список источников и литературы

1. Абдулаев Э. Эта странная война в Баткене // Профи. – 1999. – № 11. – С. 24–31.
2. Бондарец В.И. Афганистан: трансформация угроз безопасности для государств – участников и наблюдателей ШОС // Афганистан, ШОС, безопасность и geopolитика Центральной Евразии. – 2008. – С. 110–117.
3. Бондарец Л.М. Военно-политический аспект интеграции в Центральной Азии // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. – 2007. – С. 85–99.
4. Бондарец Л.М. Национальная безопасность Киргизии в свете присутствия в стране американского военного контингента // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. – 2009. – С. 171–178.
5. Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – Санкт-Петербург: Типография Безобразова и К°, 1873. – 640 с.
6. Вильемини Ф. Роль России в определении европейско-центральноазиатских отношений // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. – 2007. – С. 75–84.
7. Глущенко Е.А. Герои Империи. – Москва: XXI век – Согласие, 2001. – 404 с.
8. Годы, которые изменили Центральную Азию (коллективная монография) / отв. ред. Звягельская И.Д. – Москва: ИВ РАН; ЦСПИ, 2009. – 332 с.
9. Громов А. Границы Центрально-Азиатского региона. Исторический контекст // Профи. – 1999. – № 11. – С. 10–15.
10. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. – Москва: Издание Общества распространения полезных книг, 1867. – 414 с.
11. Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. – Москва: Аспект Пресс, 2009. – 206 с.
12. Кадыров Ш.Х. «Нация» племен. – Москва: Институт Африки, 2003. – 362 с.
13. Князев А.А. Проекты интеграции и безопасности Центральной Азии в контексте афганской военно-политической ситуации и современных геополитических реалий // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы / под ред. Князев А.А. – Бишкек, 2007. – С. 237–244.
14. Койчуманова Ч.У. Общность исторических судеб как фактор единения народов Центральной Азии // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 7–25. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.01.
15. Лунёв С.И. Вызовы безопасности южных границ России. – Москва: ИВ РАН, 1999. – 245 с.

16. Омаров Н.М. Киргизстан-2025: образы политического будущего // Киргизстан-2025. Стратегии и сценарии развития. – Бишкек: Илим, 2005. – С. 37–69.
17. Пластун В.Н. Изменения в политике США и НАТО в Афганистане (2001–2006 гг.) // Афганистан и безопасность Центральной Азии. – Бишкек: Общест. фонд А. Князева; Душанбе: Центр конфликтологии и региональных исследований, 2006. – С. 27–44.
18. Пластун В.Н. ШОС и перспективы восстановления безопасности в Центральноазиатском регионе // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии – Бишкек, 2009. – С. 80–86.
19. Ситнянский Г.Ю. Великий Узбекистан и национальные интересы России // Обозреватель-Observer. – 2003. – № 4 (159). – С. 53–59.
20. Ситнянский Г.Ю. Естественные границы: какой быть новой России? // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 112–119.
21. Ситнянский Г.Ю. Идея «Великого Узбекистана» постоянно витает в воздухе // Regnum. – 06.05.2011. – URL: <http://regnum.ru/news/polit/1402208.html> (дата обращения: 15.05.2024).
22. Ситнянский Г.Ю. Косовский вариант для юга Киргизстана? // Kyrgyznews. – 17.03.2008. – URL: <http://www.kyrgyznews.kg/news/real/16058> (дата обращения: 15.05.2024).
23. Ситнянский Г.Ю. Отношения Севера и Юга Киргизии: история и современность // Исследования по прикладной и неотложной этнографии. – 2007. – № 198. – 21 с.
24. Ситнянский Г.Ю. Проблемы реинтеграции бывшего СССР в свете исторических судеб Евразийской цивилизации // Вестник Евразии. – 1996. – № 2. – С. 161–170.
25. Ситнянский Г.Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? – Москва: ИЭА РАН, 2011. – 290 с.
26. Ситнянский Г.Ю., Бушков В.И. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. – Москва: ИЭА РАН, 2016. – 340 с.
27. Столповский О.А. Афганистан и вопросы регионального сотрудничества в сфере безопасности // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. – Бишкек: ОФАК, 2009. – С. 192–194.
28. Трофимов Д.А. Центральная Азия. – Москва: Б. и., 1994. – 55 с.
29. Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. – Москва: Наука, 1965. – 468 с.